

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

Под сенью девушек в цвету

ФТМ

УДК 82/89
ББК 84(4Фра)6
П85

MARCEL PROUST
À la recherche du temps perdu
À l'ombre des jeunes filles en fleurs
1919

Перевел с французского Н. Любимов

Пруст М.

П85 В поисках утраченного времени : Под сенью девушек в цвету / Марсель Пруст ; [пер. с франц. Н. Любимова]. — М. : «RUGRAM_ФТМ», 2021. — 573 с. — (Серия «Пальмира — Пруст»).

ISBN 978-5-521-74582-1

«Под сенью девушек в цвету» — вторая книга семитомной эпопеи французского писателя Марселя Пруста (1871—1922) «В поисках утраченного времени». В первой ее части продолжается рассказ об отношениях Рассказчика и Жильберты, дочери Свана. Во второй части Рассказчик отправляется в приморский городок Бальбек, где происходит его знакомство с шестью девушками, в которых он по очереди влюбляется.

**УДК 82/89
ББК 84(4Фра)6**

© Любимов Н. М., наследники,
перевод на русский язык, 2021

© Оформление.

ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

ISBN 978-5-521-74582-1

ВОКРУГ ГОСПОЖИ СВАН

Моя мать, когда зашла речь о том, чтобы в первый раз пригласить на обед де Норпуа, выразила сожаление, что профессор Котар уехал и что она перестала бывать у Свана, а между тем оба они представляют несомненный интерес для бывшего посла, но мой отец возразил, что такой знатный гость, такой блестящий ученый, как Котар, был бы кстати на любом обеде, а вот Сван с его хвастовством, с его манерой кричать на всех перекрестках о своих даже и неважных знакомствах, — самый обыкновенный похвальбишка, которого маркиз де Норпуа, воспользовавшись своим любимым выражением, непременно назвал бы «вонючкой». Некоторые, вероятно, помнят вполне заурядного Котара и Свана, у которого в области светских отношений скромность и сдержанность были возведены в высшую степень деликатности, а потому замечание моего отца требует хотя бы краткого пояснения. Дело в том, что к «сыну Свана», к Свану — члену Джокей-клуба, к бывшему другу моих родителей, прибавился новый Сван (и, по-видимому, то была не последняя его разновидность): Сван — муж Одетты. Приноровив к невысоким духовным запросам этой женщины свойственный ему инстинкт, желания, предприимчивость, он ради того, чтобы опуститься до уровня своей спутницы жизни, умудрился создать себе положение гораздо хуже прежнего. Вот почему он казался другим человеком. Так как он (продолжая бывать один у своих друзей, которым он не желал навязывать Одетту, раз они сами не настаивали на знакомстве с ней) повел совместно с женой иную жизнь и окружил себя новыми людьми, то вполне естественно, что, оценивая разряд, к какому принадлежали эти люди,

и, следовательно, взвешивая, насколько встречи с ними льстят его самолюбию, он избрал мерилom не самых ярких представителей того общества, в котором он вращался до женитьбы, а давних знакомых Одетты. И тем не менее, когда становилось известно, что он собирается завязать отношения с невысокого полета чиновниками и с продажными женщинами — украшением министерских балов, то все удивлялись, как это Сван, который прежде, да, впрочем, и теперь, так мило умалчивал, что он получил приглашение в Твикенгем или в Бэкингем Пэлес, всюду раззванивает о том, что жена какого-нибудь помощника начальника отделения отдала визит г-же Сван. Могут возразить, что простота элегантного Свана была лишь утонченной стороной его тщеславия и что на примере бывшего друга моих родителей, как и на примере некоторых других евреев, можно наблюдать последовательность этапов, через которые проходили его соплеменники: от наивнейшего снобизма и грубейшего хамства до изысканнейшей любезности. Однако основная причина заключалась не в этом, а в черте общечеловеческой: наши достоинства не представляют собой чего-то свободного, подвижного, чем мы вольны распоряжаться по своему благоусмотрению; в конце концов они так тесно сплетаются с действиями, которые нас вынуждают обнаруживать их, что если перед нами возникает необходимость в иного рода деятельности, то она застает нас врасплох, и нам даже не приходит в голову, что она обладает способностью пробудить в нас эти самые достоинства. Сван, заискивавший перед новыми знакомыми и гордившийся ими, был похож на отличающегося скромностью и душевным благородством большого художника, к концу жизни вдруг начинающего увлекаться кулинарией или садоводством и простодушно радующегося похвалам, расточаемым его кушаньям или клумбам, которые он не позволяет критиковать, тогда как критика его картин не вызывает в нем раздражения; а быть может, на того, кто способен подарить свою картину, но кого сердит проигрыш двухсот сантимов в домино.

Что касается профессора Котара, то он будет часто появляться значительно позднее у «покровительницы» в замке Распельер. Пока достаточно заметить следующее: перемена, происшедшая со Сваном, еще могла вызывать удивление, так как совершилась она, когда я, ничего не подозревая, встречался с отцом Жильберты на Елисейских полях, где он к тому же не разговаривал со мной и не имел случая похвастаться своими связями в политических кругах. (Впрочем, если бы он и похвастался, то я вряд ли сразу разглядел бы в нем честолюбца, — издавна сложившееся представление о человеке закрывает нам глаза и затыкает уши; моя мать три года не замечала, что ее племянница красит губы, как будто краска вся целиком растворялась в какой-нибудь жидкости, — не замечала, пока излишек краски, а быть может, какая-нибудь другая причина не вызвала явления, именуемого перенасыщением; вся не замечавшаяся до того времени краска кристаллизовалась, и моя мать, потрясенная этим внезапным цветовым разгулом, сказала, как сказали бы в Комбре, что это позор, и почти порвала с племянницей.) Другое дело — Котар: то время, когда он присутствовал при первых появлениях Свана у Вердюренов, было уже довольно далеким временем, а ведь и почести и звания приходят с годами; притом можно быть неучем, придумывать глупые каламбуры и обладать особым даром, который никакое общее образование не заменит, как, например, талант выдающегося стратега или выдающегося клинициста. В самом деле, товарищи смотрели на Котара не только как на необразованного практика, в конце концов ставшего европейской знаменитостью. Самые умные из молодых врачей уверяли, — по крайней мере, в течение нескольких лет, так как всякая мода меняется: ведь она же и вырастает из потребности в перемене, — что если они когда-нибудь захворают, то не доверят свою драгоценную жизнь никому, кроме Котара. Общаться же они, разумеется, предпочитали с более образованными, более художественно восприимчивыми из своих наставников, с которыми можно было поговорить о Ницше, о Вагнере.

Когда у г-жи Котар устраивались музыкальные вечера, на которые она в надежде, что ее муж станет деканом факультета, звала его коллег и учеников, он, вместо того чтобы слушать музыку, играл в соседней комнате в карты. Зато он славился находчивостью, проницательностью, точностью диагнозов. Заметим еще относительно поведения профессора Котара с такими людьми, как мой отец, что сущность, которую мы выказываем на склоне лет, хотя и часто, но не всегда выражает изначальную нашу сущность, раскрывшуюся или загложшую, развернувшуюся или ужавшуюся; эта вторая натура представляет собой иногда нечто прямо противоположное первой, попросту говоря, представляет собой платье, вывернутое наизнанку. В молодости Котар везде, кроме обожавших его Вердюренов, своим растерянным видом, своей робостью, своей чрезмерной любезностью подавал повод для бесчисленных острот. Какой добрый друг посоветовал ему разыгрывать неприступность? Важность занимаемого положения помогла ему принять такой вид. Везде, за исключением Вердюренов, где он инстинктивно становился самим собой, он был холоден, рад был помолчать, проявлял решительность, когда нужно было говорить, не упускал случая сказать что-нибудь неприятное. Ему предоставлялась возможность испробовать новую манеру держать себя с пациентами, которые видели его впервые, у которых не было материала для сравнения и которые были бы очень удивлены, если бы им сказали, что от природы профессор Котар совсем не груб. Больше всего он заботился о том, чтобы казаться бесстрастным, и даже на службе, когда над его очередным каламбуром покатывались все, от заведующего клиникой до новичка-практиканта, ни один мускул ни разу не дрогнул на его лице, которое, кстати сказать, изменилось до неузнаваемости после того, как он сбрил бороду и усы.

В заключение поясним, кто такой маркиз де Норпуа. Он был нашим полномочным представителем до войны и послом в эпоху «16 мая», и, несмотря на это, к вящему удивлению многих, ему потом не раз поручалось представлять

Францию в миссиях чрезвычайной важности, — даже в качестве контролера по уплате долгов в Египте, где он благодаря своим большим финансовым способностям оказал важные услуги, — поручалось радикальными правительствами, на службу к которым не пошел бы простой реакционно настроенный буржуа и у которых маркиз из-за своего прошлого, из-за своих связей, из-за своих взглядов, казалось бы, должен был быть на подозрении. Но, видимо, передовые министры отдавали себе отчет, что подобный выбор свидетельствует о том, на какую широту способны они, когда речь идет о насущных интересах Франции; они показывали этим, что они незаурядные политические деятели, — даже такая газета, как «Деба», удостаивала их звания государственных умов, — и, ко всему прочему, извлекали выгоду из аристократической фамилии маркиза, а также из интереса, какой вызывает, подобно непредвиденной развязке, неожиданное назначение. И еще они знали, что, выдвинув маркиза де Норпуа, они могут пользоваться этими преимуществами, будучи уверены в его политической лояльности, за каковую ручалось — а вовсе не настораживало — его происхождение. И тут правительство Французской республики не ошибалось. Прежде всего потому, что иные аристократы, с детства воспитанные на уважении к своей фамилии как к некоему духовному преимуществу, которое никто не властен у них отнять (и ценность которого достаточно хорошо известна не только их ровням, но и лицам еще более высокого происхождения), понимали, что они вольны не тратить усилий, какие без ощутимых результатов прилагают многие буржуа, произнося благонамеренные речи и знаясь с благомыслящими людьми. В то же время, стремясь возвыситься в глазах принцев и герцогов, стоявших непосредственно над ними, эти аристократы отдавали себе отчет, что могут достичь цели, прибавив к своей фамилии то, чего прежде она в себе не заключала и что поднимет их над теми, кто до сих пор был им равен: влияние в политических кругах, известность в литературе или художественном мире, крупное состояние. И, воздерживаясь от заигрывания с дворянчиком, который им не

пригодится и вокруг которого увивается буржуазия, воздерживаясь от бесполезной с ним дружбы, потому что ни один из принцев их за это не поблагодарит, они дорожили хорошими отношениями с политическими деятелями, даже с франкмасонами, так как благодаря политическим деятелям перед ними могут открыться двери посольств, так как политические деятели могут поддержать их на выборах, хорошими отношениями с художниками и учеными, ибо эти могут помочь «пролезть» в ту область, где они задают тон, наконец, со всеми, кто имеет возможность пожаловать новый знак отличия или женить на богатой.

Что же касается маркиза де Норпуа, то он еще вдобавок за свою долгую дипломатическую службу пропитался духом отрицания, рутинерства, консерватизма, «правительственным духом», названным так потому, что это действительно дух всех правительств и, в частности, при всех правительствах, дух канцелярий. На своем поприще он проникся неприязнью, страхом и презрением к более или менее революционным или хотя бы некорректным выступлениям, то есть к выступлениям оппозиции. Если не считать каких-нибудь невежд из простонародья и из высшего общества, для которых разница во вкусах ничего не значит, людей сближает не общность воззрений, а сродство душ. Академик типа Легуве, приверженец классицизма, скорее аплодировал бы речи в честь Виктора Гюго, произнесенной Максимом Дюканом или Мезьером, нежели речи в честь Буало, произнесенной Клоделем. Единства националистических взглядов достаточно, чтобы сблизить Барреса с его избирателями, которым должно быть в общем безразлично: что он, что Жорж Берри, но не с его коллегами по Академии, потому что, разделяя политические его убеждения, но обладая иным душевным строем, они предпочтут ему даже таких противников, как Рибо и Дешанель, к которым правоверные монархисты стоят гораздо ближе, чем к Моррасу или Леону Доде, хотя Моррас и Доде тоже мечтают о возвращении короля. Маркиза де Норпуа приучила к неразговорчивости его профессия, требовавшая осторожности и сдержанности, но не только